

11. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопорождения и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. 176 с.
12. Якунин А. П. Смысловая структура в представлениях подростков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 302–306.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs // Teorija metafor: Sbornik statej / Obshch. red. N. D. Arutjunovoj, A. I. Zhurinoj. M.: Progress, 1990. 512 s.
2. Leont'ev D. A. Psihologija smysla. M.: Smysl, 1999. 487 s.
3. Luk'janov E. A., Tolochinskij I. V. Issledovanie metafor: ot slova k tekstu // Metafora jazyka i metafora v jazyke / Pod red. A. V. Zelencovoj, A. A. Maslennikovoj. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. 266 s.
4. Mjasishchev V. N. Psihologija otnoshenij: Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2003. 400 s.
5. Obozov N. N. Psihologija mezhlčnostnyh otnoshenij. Kiev: Izd vo «Lybjad», 1990. 192 s.
6. Panfjorov V. N. Psihologija cheloveka: Uchebnoe posobie. SPb., 2000. 158 s.
7. Panfjorov V. N. Psihologija chelovecheskih otnoshenij. Izbrannoe. SPb.: ANO IPP, 2009. 497 s.
8. Platonov K. K. Sistema psihologii i teorija otrazhenija. M.: Nauka, 1982. 310 s.
9. Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie. SPb.: Piter, 2012. 288 s.
10. Sidorenko E. V. Metody matematicheskoj obrabotki v psihologii. SPb.: Izd vo «Sotsial'no psihologicheskij tsentr», 1996. 350 s.
11. Teliya V. N. Metafora kak model' smyslopороzhdениja i ejo ekspressivno otsenочnaja funktsija // Metafora v jazyke i tekste. / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. 176 с.
12. Jakunin A. P. Smyslovaja struktura v predstavlenijah podrostkov // Izvestija RGPU im. A. I. Gertsena. 2012. № 133. S. 302–306.

Е. А. Молчанова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Статья подготовлена по результатам проекта РГНФ № 12-16-18001а

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования трансформации этнического образа (стереотипа) по мере изменения этнокультурного взаимодействия и усложнения поведенческих сценариев, а именно за счет наполнения этнического образа активностными атрибуциями и толерантными паттернами поведения.

Ключевые слова: стереотип, этнический образ, этнокультурное взаимодействие, поведенческие сценарии.

Е. Molchanova

Psychological Mechanisms of Transformation of Ethnic Image

The results of an empirical research on the transformation of ethnic image (stereotype) with changing cross-cultural interaction and complexity of behavioral scenarios are discussed particularly those caused by filling ethnic image with active attributions and tolerant behavior patterns.

Keywords: stereotype, ethnic image, cross-cultural interaction, behavioral scenarios.

Актуальность проблемы, связанной с межнациональными взаимодействиями в России, приобрела особое значение вследствие миграционных изменений, вызванных распадом СССР. В связи с этим встала проблема необходимости поиска путей к сба-

лансированному объединению российского общества. В настоящее время не прекращаются споры о том, какой же путь является оптимальным для поддержания гармоничных общественных отношений — «сглаживание» этнокультурных различий или сохранение социального и этнического разнообразия.

Урало-Поволжье с глубокой древности является одним из поликультурных регионов, зоной интенсивных контактов этнических культур. Население республики отличается мозаичностью этнического состава. Наиболее крупные этносы республики: автохтонный финно-угорский, славянский и тюркский (соответственно — удмурты, русские, татары). Картина такого расселения сформировалась исторически. Как отмечает Е. В. Владыкин и Л. С. Христюлова [2], первые достоверные упоминания об удмуртском этносе встречаются в XII веке, но они отрывочны и кратки. Удмурты издревле жили в междуречье Камы и Вятки. Территория, ограниченная этими реками, имеет довольно большую протяженность с севера на юг, поэтому население южных удмуртов несколько отличается от северных. Северная группа расселилась в Орловском и Вятском уездах (современная Кировская область), а южная — проживала в районе города Арск, расположенного на берегу реки Казанки. В связи с этим у южных удмуртов ощущается тюркское влияние, у северных — русское. Данный факт подтверждает то, что интенсивность межэтнических контактов была и остается в данном регионе высокой. Преимущественно контакты были мирными, проявлялись в основном во взаимодействии в области хозяйства, затрагивали нередко языковую среду и духовную культуру в целом.

Каждый человек в процессе освоения своей культуры, а также в ситуациях межкультурного взаимодействия, получает определенный субъективный опыт. Он представляет собой базовый конструкт, являющийся моделью образа мира каждого этни-

ческого субъекта. Этот опыт выражается в таких феноменах этнической жизни, как этническая идентификация, этническая толерантность и этнические стереотипы.

Этнические стереотипы — это вид социальных стереотипов, под которыми понимаются упрощенные, схематизированные образы этносоциальных объектов, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений [1; 4; 9]. В свою очередь, этнический стереотип включает в себя образ как отражение этнокультурного мира, состоящего из личностных конструктов, которые в совокупности представляют собой категориальные структуры сознания. Этнический образ формируется на основе трех взаимосвязанных компонентов: когнитивного, аффективного и конативного (поведенческого).

Когнитивный компонент этнического образа содержит в себе знания и представления индивида о самом себе и о социальном объекте, организующие субъективный опыт и представляемые в виде системы личностных конструктов. Конструкт — это биполярная субъективная шкала, реализующая одновременно две функции: обобщение (установление сходства) и противопоставление (установление различия) в условиях оценки тех или иных объектов (прежде всего, других людей и самого себя). Примером могут служить такие конструкты, как «агрессивный — миролюбивый», «терпеливый — нетерпеливый» и т. д.

Аффективный компонент этнического образа отражает эмоционально-оценочное отношение к социальному объекту. Источниками оценочных суждений индивида о самом себе являются социокультурные стандарты и нормы социального окружения, социальные реакции людей, их субъективная интерпретация, индивидуальные критерии и эталоны, усвоенные индивидом в жизни.

Поведенческая составляющая этнического образа состоит из «различных вариантов взаимодействия с окружающей средой, опо-

средованных внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью» этносов. Под межкультурным взаимодействием понимают особый вид связей и отношений, которые складываются между культурами в процессе взаимного обмена культурными идеями, нормами и ценностями, в результате которых возможно изменение состояний, качественных характеристик, образа жизни или духовных ориентиров контактирующих сторон [3; 4; 8].

Для возникновения межкультурной интеракции необходимы три компонента:

1) возникновение ситуации, в рамках которой происходит коммуникация;

2) установление контактов и их реализация, с помощью чего осуществляется межкультурная интеракция;

3) наличие взаимодействующих сторон, которым присуще сознание и овладение нормами какой-либо культурной системы.

Межкультурное взаимодействие всегда предполагает наличие Я и Другого. «Другой» выступает в двух различных, взаимосвязанных и комплементарных аспектах. Первый аспект рассмотрения «Другого» связан с понятием «абсолютный Другой», то есть «Другой» как внешний по отношению к субъекту, пространственно отделенный человек, интеракция с которым является фактором и условием развития Я. Второй аспект затрагивает «обобщенного Другого», то есть «Другого внутри меня», который выступает как компонент образа Я и/или «не-Я» [7, с. 8]. Эти два аспекта фокусируются на целостности образа «Другого» и невозможности существования первого аспекта без второго.

К важным свойствам этнических стереотипов относят их согласованность, устойчивость, стабильность, ригидность. Считается, что стабильность стереотипов все-таки относительна: при изменении отношений между группами или при поступлении новой информации их содержание и даже направленность могут изменяться [9, с. 241–244].

Проблема трансформации этнического образа в интеркультурном взаимодействии в психологической науке практически не исследована и, на наш взгляд, требует серьезного изучения.

Цель нашего исследования — изучение психологических механизмов изменения этнического образа в связи с усилением интенсивности этнокультурного взаимодействия и усложнения поведенческих сценариев.

В исследовании приняли участие студенты удмуртской национальности факультета Удмуртской филологии удмуртского государственного университета (г. Ижевск) в количестве 52 человек в возрасте 18–19 лет.

Для достижения поставленной цели была использована методика «Психосемантический анализ стереотипов этнического характера» Д. Пибоди, А. Г. Шмелева и др. [6], включающая специальный набор чаще всего употребляющихся в естественном языке определений 32 личностных черт. Каждое свойство личности описывается в биполярных шкалах, которые компенсируют друг друга благодаря противоположному сцеплению оценочного и описательного компонентов значения. Например, предпочитаемый полюс на шкале «гибкий — негибкий» лежит слева, а в компенсирующей ее шкале «переменчивый — упорный» — справа. В обеих шкалах рассматривается одно и то же свойство личности, но один полюс этого качества предстает «социально желательным», адаптивным («гибкий»), а другой — противоположным («упорный»). Для характеристики человека по какому-либо личностному свойству можно использовать описательную (дескриптивную) или оценочную шкалу.

При одномерной интерпретации четырехпозиционной модели репрезентации личностной черты в естественном языке черта «негибкий» будет представлена крайней степенью выраженности низкого полюса черты (оценочная шкала). Черты «гибкий» и «упорный» — умеренные (адаптивные) степени выраженности низкого и вы-

сокого полюсов черты. «Переменчивый» — крайняя степень выраженности высокого полюса черты (оценочная шкала). Преимущества четырехпозиционной модели заключаются в исключении социальной желательности и отграничении оценочного компонента от дескриптивного (в данном случае характерологического представления). Каждая шкала оценивалась респондентами в баллах от -3 до $+3$.

В ходе исследования всем респондентам предлагалось написать эссе на тему с заявленной ситуацией (ситуации последовательно усложнялись посредством добавления в них трудностей и взаимодействующих этнических объектов: удмурт, русский, татарин). В каждой ситуации респондентам предъявлялся метод психосемантического дифференциала, по которому осуществлялось оценивание стимульных объектов (представителей этнических групп: удмурт, русский, татарин) по ряду личностных черт.

Респондентам последовательно предъявлялись три блока ситуаций, каждый из которых включал в себя по три последовательно усложняющихся ситуации и конкретное условие этнокультурного взаимодействия. Изначально в первом блоке респонденты получали задание написать эссе со следующей инструкцией: «Опишите наиболее запомнившуюся ситуацию, участником или наблюдателем которой вы являлись, когда вы могли вести себя так, как вам хочется с представителями вашей национальности. Как можно подробно опишите эту ситуацию и поведение других людей в ней». После выполнения задания сразу же необходимо было оценить человека удмуртской национальности по методике семантического дифференциала (первая ситуация оценивания). Затем предлагалось второе задание: «Описать запомнившуюся ситуацию, когда возникали трудности, необходимость преодоления препятствий с представителями вашей национальности»; оценить в контексте прописанной ситуации объект оценивания «удмурт» (вторая ситуация оце-

нивания). Третье задание: «Описать наиболее запомнившуюся ситуацию, в которой существовали непреодолимые препятствия с представителями вашей национальности»; снова оценить «удмурта» (третья ситуация оценивания).

Далее в каждом блоке ситуации повторялись, но уже, помимо усложнения поведенческих сценариев (от привычного поведения до ситуации существования непреодолимых трудностей), последовательно изменялось этнокультурное взаимодействие. Во втором блоке ситуаций происходило взаимодействие удмуртов и русских, соответственно объектами семантического оценивания являлись «удмурт» и «русский». Третий блок представлял собой этнокультурное взаимодействие удмуртов, русских и татар и в связи с этим респондентам были предъявлены соответственно три объекта оценивания.

Чтобы установить, в какой мере вариация независимой переменной (этнокультурное взаимодействие, усложнение поведенческих сценариев) определяет изменение зависимой переменной (атрибутивные характеристики), применялся *дисперсионный анализ* (однофакторный одномерный *ANOVA* и многомерный *MANOVA*) данных.

Общая схема *дисперсионного анализа* может быть описана следующим образом. Первый контролируемый фактор — этнокультурное взаимодействие — включил три уровня: 1 — взаимодействие среди представителей своего народа, 2 — взаимодействие удмуртов и русских, 3 — взаимодействие удмуртов, русских, татар. Второй контролируемый фактор — поведенческие сценарии — включил три уровня: 1 — обычные поведенческие ситуации, 2 — ситуация с преодолением трудностей, 3 — ситуация с непреодолимыми препятствиями. Атрибутивные характеристики явились зависимыми переменными.

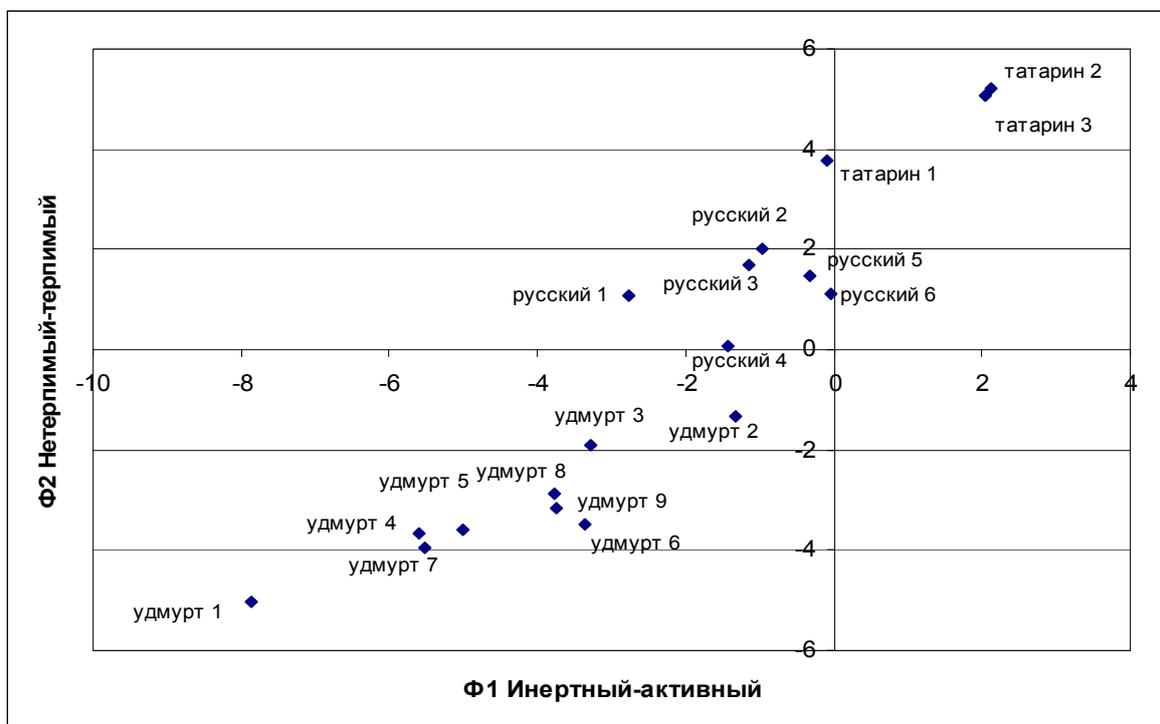
Построение семантического пространства (размещение объектов оценивания в пространстве шкал оценивания) осуществля-

лось с помощью факторно-аналитической обработки данных, предложенной В. Ф. Петренко. Компьютерная обработка выполнялась с помощью пакета компьютерных программ SPSS 11,00 for Windows и Excel for Windows.

Совмещенная матрица оценочных значений была обработана с помощью факторного анализа для размещения всех объектов оценивания (удмурт, русский, татарин) с учетом трех ситуаций в семантическом пространстве личностных качеств (шкал оценивания). Факторный анализ позволяет выделить сцепления взаимосвязанных признаков и свести их к базовым категориям — к факторам, которые являются координатными осями семантического пространства. Выделенные структуры (факторы) понимаются как «категориальные структуры сознания», представляющие собой универсальные категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемые в челове-

скую деятельность. Они являются базисными структурами человеческого сознания. Семантически категория представляет собой свернутую в одно понятие целостную систему представлений, знаний, выработанных человечеством, о некоторой содержательной области [5]. Являясь структурами осознания мира субъектом, “несущими конструкциями”, каркасом картины мира субъекта, они могут не осознаваться субъектом как таковые [5, с. 102].

В результате факторного анализа были выделены три значимых фактора: 1-й фактор — «Инертный — активный» (62,87% общей дисперсии), 2-й фактор «Нетерпимый — терпимый» (16,26% общей дисперсии), 3-й фактор «Несотрудничающий — сотрудничающий» (13,33% общей дисперсии). На рис. представлено семантическое пространство (фактор 1-й и фактор 2-й) субъектов этнокультурного взаимодействия по мере усложнения поведенческих сценариев.

Размещение субъектов этнокультурного взаимодействия в семантическом пространстве (1-го и 2-го факторов) атрибутивных характеристик

Условные обозначения к рисунку:

Поведенческие сценарии	Обычные поведенческие ситуации	Ситуации с преодолением трудностей	Ситуации с непреодолимыми препятствиями
Этнокультурное взаимодействие			
Взаимодействие среди представителей своего народа	Удмурт 1	Удмурт 2	Удмурт 3
Взаимодействие удмуртов и русских	Удмурт 4	Удмурт 5	Удмурт 6
Взаимодействие удмуртов, русских, татар	Удмурт 7	Удмурт 8	Удмурт 9

Анализ семантического пространства, полученного при факторно-аналитической обработке данных, показал, что по мере возникновения трудностей и непреодолимых препятствий в описываемых ситуациях в этнокультурном взаимодействии «образ удмурта» изменяется в сторону повышения «активности» (1-й фактор), «толерантности» (2-й фактор), «сотрудничества» (3-й фактор). Установлено, что в представлениях удмуртов по мере усиления необходимости в совместном (удмурты, русские, татары) преодолении трудностей и препятствий усиливаются активностные атрибуции и толерантные паттерны поведения. Повидимому, при наличии единых целей и общих интересов в авто- и гетеростереотипы «инвестируются» изоморфные (сходные) характеристики с высоким потенциалом активной толерантности.

По результатам дисперсионного анализа обнаружено, что с повышением интенсивности этнокультурного взаимодействия удмуртов повышаются показатели их толерантных атрибутивных характеристик, таких как «миролюбивый», «тактичный», «спокойный», «скромный», «застенчивый», «приспособленный», «избирательный». Заметим, что в этнопсихологических исследованиях [10; 11; 12] установлено, что у удмуртов — представителей финно-угорских народов — в этногенезе прослеживаются

устойчивые этнотипические психологические особенности с коллективистской направленностью, с адаптивностью (*умеренностью*) проявлений межличностного взаимодействия. Общий стиль поведения удмуртов выражен толерантными чертами: конформностью, скромностью, покорностью. В работе они трудолюбивы, исполнительны, осторожны, отличаются высокой способностью к самоконтролю, высокой нормативностью поведения (умеренные, сдержанные, терпеливые, серьезные, скромные).

При этом установлено, что высокая толерантность в этнокультурном взаимодействии проявляется при диадных отношениях, являющихся наиболее оптимальными для обеспечения конструктивных межкультурных взаимоотношений. При выходе за пределы оптимума, в пространство усложненности отношений (увеличение субъектов взаимодействия), происходит «спад» толерантности, выход за пределы границ этнической индивидуальности. Преодоление границ собственных возможностей, как правило, используется при внезапном изменении жизненных обстоятельств. Как человек, идущий по болоту, прощупывает почву, так в неизвестных или усложнившихся условиях определяется мера оставшихся возможностей и восполняется утраченное, повышается ресурс субъект-субъектной интеракции.

Помимо того, выявлено, что с усложнением поведенческих ситуаций этнокультурного взаимодействия происходит понижение показателей таких черт, как «легковерный», «доверчивый», «прощающий», и повышение показателей — «серьезный», «озабоченный». Очевидно, что в представлениях удмуртов преодоление трудностей в этнокультурном взаимодействии осуществляется с определенными усилиями рефлексивных и практических устремлений. И снова обнаруживаем, что в ситуации непреодолимых трудностей (третий уровень) безудержная активность компенсируется актами взаимовыручки и поддержки. Известно, что «приспособление к особенностям и нуждам других людей» как поведен-

ческая стратегия применяется в ситуации социальных потрясений.

Таким образом, по результатам полученных данных можно сделать вывод о том, что с увеличением интенсивности, с усложнением поведенческих сценариев этнокультурных взаимодействий при совместном преодолении трудностей этнический образ (автостереотип) наполняется активностными атрибутами и толерантными паттернами поведения.

При достижении критических значений того или иного фактора происходит определенного рода компенсация проявлений: активность сменяется толерантностью или толерантность восполняется активностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для вузов. 5-е изд., доп. М.: Аспект Пресс, 2008. 149 с.
2. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.
3. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.
4. Лебедева Н. М. Этническая и кросскультурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС Пресс, 2011. 424 с.
5. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 3-е изд., доп. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
6. Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросскультурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 101–109.
7. Рягузова Е. В. Рефлексивная позиция «Мы» как результат интеракции «Я» и «Другого» // Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Психология. Педагогика». 2009. Т. 2. № 2 (6). С. 8–13.
8. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2006. 368 с.
10. Хотинец В. Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–107.
11. Хотинец В. Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 33–44.
12. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.
13. Gudykunst W.B., Kim Y. Y. Communication with strangers: An approach to intercultural communication [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.shersonmedia.com/grant/cv/items/papers/Intercultural_Communication.pdf
14. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Publisher: Cambridge University Press, 2010. 546 с.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. Sotsial'naja psihologija: Uchebnik dlja vuzov 5 izd., dop. M.: Aspekt Press, 2008. 149 s.
2. Vladykin V. E., Hristoljubova L. S. Udmurty. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. Izhevsk: Udmurtija, 2008. 248 s.
3. Matsumoto D. Psihologija i kul'tura. SPb.: Prajm-Evroznak, 2002. 416 s.

4. *Lebedeva N. M.* Jetnicheskaja i krosskul'turnaja psihologija: Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij. M.: MAKS Press, 2011. 424 s.
5. *Petrenko V. F.* Osnovy psihosemantiki. 3-e izd., dop. M.: Eksmo, 2010. 480 s.
6. *Pibodi D., Shmelev A. G., Andreeva M. K., Gramenitskij A. E.* Psihosemanticheskiy analiz stereotipov russkogo haraktera: Krosskul'turnyj aspekt // *Voprosy psihologii*. 1993. № 3. S. 101–109.
7. *Rjaguzova E. V.* Refleksivnaja pozitsija «My» kak rezul'tat interaktsii «Ja» i «Drugogo» // *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Serija "Psihologija. Pedagogika"*. 2009. T. 2. № 2 (6). S. 8–13.
8. *Soldatova G. U.* Psihologija mezhjetnicheskoj naprjazhennosti. M.: Smysl, 2008. 172 s.
9. *Stefanenko T. G.* Etnopsihologija. 4-e izd., isp. i dop. M.: Aspekt Press, 2006. 368 s.
10. *Hotinets V. Ju.* Modelirovanie mental'nosti na osnove religiozno-mifologicheskikh predstavlenij i kul'turnyh cennostej udmurtov // *Sotsiologicheskie issledovanija*. 2011. № 2. S. 99–107.
11. *Hotinets V. Ju.* Psihologicheskie i kul'turnye faktory etnotipicheskogo povedenija // *Psihologicheskij zhurnal*. 2005. T. 26. № 2. S. 33–44.
12. *Hotinets V. Ju.* Etnicheskoe samosoznanie. SPb.: Aletejja, 2000. 240 s.
13. *Gudykunst W. B., Kim Y. Y.* Communitisation with strangers: An approach to intercultural communication [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.shersonmedia.com/grant/cv/items/papers/InterculturalCommunication.pdf>
14. *Tajfel H.* *Sotsial Identity and Intergroup Relations*. Publisher: Cambridge University Press, 2010. 546 s.

И. А. Дьяченко

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ КАК ФАКТОР ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Обосновывается актуальность и значимость исследований возрастных и социально-психологических аспектов переживания одиночества в пожилом возрасте. Проводится обзор зарубежных подходов к изучению одиночества. Представлены результаты исследования взаимосвязи субъективного переживания одиночества и социальных условий проживания пожилых людей.

Ключевые слова: одиночество, пожилые, социальные условия проживания.

I. Diachenko

Social Conditions of Life as a Factor Experiencing Loneliness in Old Age

The article discusses the relevance and significance of the research of age and socio-psychological aspects of the experience of loneliness in old age. A review of international approaches to the study of loneliness is presented.

Keywords: loneliness, elderly, social conditions of life.

Целью статьи является представление результатов исследования социальных условий проживания как фактора переживания одиночества в пожилом возрасте.

Актуальность изучения социально-психологических факторов переживания одиночества

В мире с каждым годом становится все больше и больше людей пожилого возраста. По данным ВОЗ, одновременно со снижением рождаемости средняя продолжительность жизни увеличилась почти на двадцать лет, что привело к увеличению доли людей пожилого и старческого возраста в общей